МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Филологический факультет

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Сборник материалов VII (XXI)
Международной научно-практической конференции
молодых учёных
(16–18 апреля 2020 г.)

Выпуск 21

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2020

несчастье отождествляются с волей Бога. Для Жуковского теологическая основа мирозидания и смирения перед любым predetermined действием становится основой практической философии.

Литература

1. Янушкевич А.С. В мире Жуковского. М. : Наука, 2006. 524 с.
2. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. М. : Языки славянских культур, 2011. Т. 8. 536 с.
3. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. М. : Издательский Дом ЯСК, 2016. Т. 11 (первый полутом). 1048 с.
4. Айзикова И. А. Евангельские идеи, мотивы, образы в «Святой прозе» В. А. Жуковского // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск, 2008. С. 168–197.
5. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. М. : Языки славянских культур, 2012 Т. 12. 544 с.

DOI: 10.17223/978-5-94621-901-3-2020-64

ВСЕОБЩЕЕ ОБОРОТНИЧЕСТВО В ПОВЕСТИ Н.В. ГОГОЛЯ «СОРОЧИНСКАЯ ЯРМАРКА»

Сердюк А.М.

Томский государственный университет, магистрант

TOTAL SHAPE-SHIFTING IN «SOROCHINTSY FAIR»

BY N.V. GOGOL

Serdyuk A.M.

Tomsk State University, master student

Повесть «Сорочинская ярмарка» рассматривается в статье через призму мотива оборотничества, принимающего в ней всеобщий характер, что связывается с ее инициальным положением по отношению к другим повестям цикла.

Ключевые слова: оборотничество, Гоголь, «Сорочинская ярмарка».

The article considers N.V. Gogol's «Sorochintsy Fair» in terms of the motif of shape-shifting. The shape-shifting totality in the piece is explained through its being the opening one in the cycle.

Key words: shape-shifting, Gogol, «Sorochintsy Fair».

Научный руководитель: Е.О. Третьяков, канд. филол. наук, доцент ТГУ.

А.Х. Гольденберг называет метаморфозу «едва ли не самой универсальной категорией гоголевской поэтики» [1. С. 86]: метаморфозам

подвержены в равной степени предметы и люди, нарушаются границы сна и реальности, своего и чужого пространства. Первая книга Гоголя, «Вечера на хуторе близ Диканьки», неразрывно связана с мифологическим мировидением, среди основных черт которого партиципаторность и синкретизм: «Мир “Вечеров” един в своей сущности, ибо это Всемир народного, ярмарочного бытия» [2. С. 601]. Как следствие, цикл представляет собой картину тотальной изменчивости и тотального же единства. Среди повестей «Вечеров...» этот синкретический принцип наиболее явен в инициальной «Сорочинской ярмарке», своего рода тезисе цикла.

Ярмарка – переходный локус, место, где чужое становится своим, а свое отчуждается. Это выход из циклической монотонности будней, праздник, и его особая атмосфера «выводит жизнь из ее обычной колеи и делает невозможное возможным» [3. С. 485]. Кроме того, на короткое время ярмарка становится центром всех близлежащих земель, собирая, сливая народ в единый коллектив, «в одно огромное чудовище» [4. С. 80]. Однако ярмарка – это не только единство народного коллектива, но и единство его со всем космосом: «Шум, брань, мычание, блеяние, рев – все сливается в один нестройный говор. Волы, мешки, сено, цыганы, горшки, бабы, пряники, шапки – все ярко, пестро, нестройно» [4. С. 80]. Человек в повести, таким образом, оказывается в лиминальном пространстве и времени, к тому же – в условиях, актуализирующих соединение и сосуществование разнородных элементов в одном пространстве, и тем самым вписывается в окружающий его Всемир.

Атмосфера всеобщего оборотничества разлита по всей повести: небо-океан «обнимает и сжимает прекрасную <землю> в воздушных объятиях своих» [4. С. 74], дыни, арбузы и тыквы кажутся «вылитыми из золота и темной меди» [4. С. 84], река предстает своенравной красавицей-девушкой [4. С. 76] и т.д. Люди же то и дело утрачивают человеческое в своем облике или поведении («...он, как страшный жилец тесного гроба, остался нем и недвижим посреди дороги» [4. С. 91], «враг меня возьми, если мне, голубко, не представилась твоя рожа барабаном» [4. С. 92] и т.д.), а inferнальные сущности как бы заземляются и очеловечиваются (черта выгоняют из пекла «как собаку мужик выгоняет из хаты» [4. С. 88], «с горя» он пропивает все, что имел, и закладывает собственную свитку). Все это наводит на мысль о своего рода антропологическом эксперименте, проводимом в «Вечерах...» – эксперименте по поиску человека в едином пространстве бытия, определению границ человеческого.

Самым очевидно неоднозначным в этом ключе персонажем можно назвать Грицько. Впервые он появляется в переходном пространстве, на мосту. На нем белая свитка – традиционно «потусторонний» цвет. Также Грицько обладает «огненными очами» и смуглой кожей, водит дружбу с цыганами и демонстрирует нечеловеческие способности по части выпивки. Его инфернальность прямо подчеркивается персонажами: «верно, это лукавый», «антихрист проклятый»; чертом называет себя и он сам, и даже само имя Грицько часто выступает как одно из обозначений черта [4. С. 695]. Однако действия его прямо не подтверждают его принадлежности к миру иному, и все превращения, происходящие с ним или по его воле, можно в равной степени истолковать с точки зрения как посюстороннего, так и потустороннего. Грицько, таким образом, оказывается в положении промежуточном, соединяя в себе признаки как человеческого, так и нечеловеческого.

Главная противостоящая ему сила – Хивря. Нечеловеческие элементы в ее образе (что-то *дикое* в лице, «супружеские когти») и связанный с ним красный цвет, а также прямая номинация (ведьма, дьявол, черт, само имя – Хивря, Хавронья – свинья) связывает ее с нечистой силой. Ее поведение – она препятствует счастью падчерицы, тиранит мужа – традиционно ассоциируется с поведением ведьмы. Однако этого недостаточно, чтобы однозначно отнести ее к демоническим или «знающим» персонажам. Непосредственные автопревращения, почти всегда свойственные ведьмам, в случае Хиври осуществляются лишь в своего рода социальном оборотничестве, перемене модуса поведения в обществе избранника, и «переодевании»: она старательно молодится, «превращает» себя в молодую. Неоднозначны и ее отношения с Параской, на первый взгляд, типичные отношения страдающей падчерицы и злой мачехи-ведьмы: в ходе повествования становится ясно, что влияние Хиври не так сильно, да и сама падчерица оказывается не так проста.

В последней главе повести Параска демонстрирует способность противостоять мачехе: «Нет, мачеха, полно колотить тебе свою падчерицу!» [4. С. 96]. Сцена танца с зеркалом подчеркивает и развивает эту ее решимость. Однако, если вспомнить о сакральной функции зеркала как портала в иное пространство [5], можно увидеть в этом танце некий магический ритуал: она в прямом смысле переворачивает свою реальность («шла по хате, как будто бы опасаясь упасть, *видя под собою, вместо полу, потолок*» [4. С. 96]) и в новой, перевернутой, обретает

искомый статус – надевая очипок Хиври, как бы становится замужней и свободной от ее власти. Здесь же можно говорить об отождествлении мачехи и падчерицы: очипок, пусть и «*хоть* мачехин», но все же мачехин, и приходится Параске в пору. К тому же, имена Параски и Хиври находятся в одном ассоциативном ряду [4. С. 705]. Объединяет их и принадлежность к «Евину роду», в украинском фольклоре связываемому с дьяволом, а также символика красного. Так, в Параске, проявляются элементы нечеловеческого, но и в случае с ней их оказывается недостаточно для однозначного вывода о ее истинной природе.

Мотив оборотничества пронизывает инициальную повесть цикла настолько, что ирреальный и реальный планы в ней смешиваются так, что отделить нечеловеческое от человеческого, подлинное оборотничество или оборачивание от его бытового соответствия не представляется возможным. Потенциально потусторонние персонажи, равно как и персонажи потенциально посясторонние, при ближайшем рассмотрении оказываются амбивалентными, соединяя в себе признаки обоих миров. Тем самым «Сорочинская ярмарка» задает тон всем «Вечерам», представляющим собой пространство «сплошной превращаемости».

Литература

1. Гольденберг А.Х. Архетипы в поэтике Н.В. Гоголя. М. : Флинта [и др.], 2012. 229 с.
2. Янушкевич А.С. История русской литературы первой трети XIX века. М. : Флинта ; Наука, 2015. 752 с.
3. Бахтин М.М. Рабле и Гоголь (Искусство слова и народная смеховая культура) // Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М. : Худож. лит., 1975. С. 484–495.
4. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем : в 23 т. М. : Наука, 2003. Т. 1. 922 с.
5. Толстая С.М. Зеркало // Славянские древности: этнолингвистический словарь : в 5 т. М. : Международные отношения, 1999. Т. 2. 702 с.